

НАУЧНЫЙ ОБМЕН

УДК 130.2:130.3

Г. Д. ПЕТРОВА

**РУССКАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНТЕГРИРУЮЩИЙ ФАКТОР
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ**

Рассматривается роль русской культуры в процессе становления и развития межкультурного взаимодействия в Среднем Поволжье. Как государственно-образующая общность, русские, находясь на более высоком уровне развития экономики и культуры, оказывали прогрессивное влияние на экономику и культуру народов Среднего Поволжья, на установление между ними более тесных взаимосвязей и сотрудничества. *Национальная культура; межкультурная коммуникация; межэтническое взаимодействие*

Среднее Поволжье — место встречи ряда этнокультурных традиций, а также исторических контактов народов, относящихся к разным языковым семьям, говорящих на славянском, финно-угорских и тюркских языках. На этой территории в течение многих столетий происходило активное развитие и одновременно интенсивное и глубокое взаимодействие и взаимовлияние национальных культур славянских, финно-угорских и тюркских народов.

Взаимодействие и взаимовлияние национальных культур объективно присуще самому характеру культуры. Важная особенность российской национальной культуры заключается в том, что ее появление и рост связаны с прогрессом каждой из составляющих ее национальных культур, а также с усилением их сближения и взаимообогащения. При этом российская национальная культура не только зависит от культуры наций и народов, но и, в свою очередь, дает импульс и направление их развитию.

В той или иной степени культурный обмен между народами происходил и происходит на всех этапах истории. Большее значение при этом имеет коммуникативный аспект национально-культурных процессов. Они способствуют «размыванию» национальных границ, ускорению обмена духовными и материальными ценностями между национальными культурами. В свою очередь, усиление миграционных процессов способствует расширению межнациональных контактов, активному обмену культурной информацией, а в результате — естественному процессу проникновения новаций в культуры народов.

Общеизвестно, что взаимосвязь и взаимовлияние национальных культур — это закономерный процесс, необходимое условие развития российской культуры. Взаимообогащение культур способствует созданию общих черт в национальных культурах, стимулирует этнокультурную интеграцию. Обмен культурами не означает полное принятие каких-либо ценностей одной культуры другой — культура каждой нации, впитывая культурные ценности других наций, усваивает их творчески, что способствует дальнейшему развитию каждой из национальных культур. Впитывая интернациональные ценности, каждая национальная культура не только делает шаг вперед в своем духовном и материальном развитии, но вносит свой вклад в создание культуры мировой. Общечеловеческая культура становится тем богаче и разностороннее, чем интенсивнее идет культурный обмен между нациями. Многообразие национальных культур, одновременно существующих и взаимодействующих в условиях культурной интеграции, способствует овладению не только идеалами и ценностями собственной национальной культуры, но и богатством, созданным человечеством. Приобщение к богатой мозаике национальных культур расширяет диапазон культурных запросов и видов деятельности, позволяет трансформировать это на национальную культуру, соединить их и сформировать поведение индивида в сложном и противоречивом мире.

К влиянию всего русского на национальные культуры Среднего Поволжья можно относиться по-разному, но отрицать особенность русской культуры, русской духовности как

таковой, которой присущ уникальный универсализм, сложно. Отождествление русской культуры с политикой российского государства не уместно, здесь нельзя отрицать ее особую роль как носительницы просвещения, рационализма и гуманизма, как средства вовлечения народов Среднего Поволжья в круг современных цивилизационных отношений. В этом смысле русская культура не ограничивается рамками лишь национальной культуры.

Вопросы самобытности русской культуры, ее роли в развитии национальных культур наиболее полно отражены в произведениях русских мыслителей XIX—начала XX веков, стремившихся сохранить живую преемственность русской культуры, не оторваться от корней своего духовного родства. Интерес современников к истории русской культуры наиболее ярко проявляется в обращении к произведениям русской философской мысли, без которых невозможно понимание своеобразия и цельности нашей национальной культуры и национальной духовности.

Русские философы по-разному рассматривали вопрос о самобытности русской культуры. Для Н. Я. Данилевского свойственно гипертрофировать самобытность и уникальность русской культуры. По его мнению, Россия с общей культурно-исторической точки зрения не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению; напротив, ей предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения — быть ничем, тем более, что Запад, Европа не признает Россию своей¹.

При этом, правда, он высказал чрезвычайно важную мысль: не должно быть господства одной цивилизации, одной культуры, ибо это лишит род человеческий одного из необходимых условий успеха и совершенствования — элемента разнообразия².

Серьезное внимание другой мыслитель В. С. Соловьев уделял единству и многообразию культуры, сохранению и защите самобытности русской культуры. Он считал, что, если Запад и Восток, в сущности, уже исчерпали себя, то третья сила — славянство и народ русский — полна жизни и в состоянии

дать жизнь и обновление двум первым, причем не на путях борьбы с ними, а примиряя их обоих. Только цельная синтетическая жизнь, свободная от всякой исключительности, всякой национальной односторонности, обуславливает историческое призвание славянства и России. Только такая жизнь, такой характер, такая культура, которая ничего не исключает, но в своей всепелности совмещает высокую степень единства с полнейшим развитием свободной множественности, — только они могут дать настоящее, прочное удовлетворение всем потребностям человеческого чувства, мышления и воли и быть, таким образом, действительно общечеловеческой, или вселенской, культурой³.

Как государственно-образующая общность, русские, находясь на более высоком уровне развития экономики и культуры, оказывали прогрессивное влияние на экономику и культуру народов Среднего Поволжья, на установление между ними более тесных взаимосвязей и сотрудничества. Впоследствии русский, марийский, чувашский, татарский, удмуртский, мордовский и другие народы Среднего Поволжья вместе отстаивали свободу, независимость и территориальную целостность России от агрессивных нашествий как с Запада, так и с Востока. Классик философии в свое время писал: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»⁴.

Вхождение в состав России для большинства народов России, союз с Россией в конечном счете были благотворными, ибо позволили этим народам приобщиться к такой великой культуре, какой является культура русская, — подчеркивал И. А. Ильин⁵. Он рассматривал Россию как живой, исторически выросший и культурно-оправдавшийся организм. Этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ духовным взаимопониманием с его младшими братьями.

Историческое развитие связей не всегда шло однообразно и гладко, но положительные стороны этих связей всегда сочетались с чув-

¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 50–51.

² См.: Там же.

³ См.: Соловьев В. С. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1988. С. 173.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 241.

⁵ См.: Ильин И. А. Россия есть живой организм. М., 1976.

ствами взаимного уважения и симпатии народов Среднего Поволжья и русских.

В довольно мощном пласте досоветской и советской историографии отражены многие аспекты межнациональных отношений. Все исследователи первоначально обращаются к сюжетам, связанным с колонизационными процессами (начало, этапы, характер колонизации и его последствия), взаимоотношениями пришлого и автохтонного населения¹, ими освещаются вопросы культуры, быта народов, населяющих Среднее Поволжье, история их экономического развития, рассматриваются проблемы межэтнических и культурно-бытовых связей жителей национальных районов². Данная характеристика в равной степени относится к мари, мордве, татарам, чувашам и др. малочисленным народам.

Историки и этнографы при изучении развития русской колонизации пытались определить характер колонизационного процесса, проанализировать демографические процессы, роль колонизации в развитии производительных сил, процессы развития национальной культуры.

Краткий исторический экскурс приводит к выводу, что несмотря на активно проводившуюся колониальную политику, взаимоотношения русского и народов Среднего Поволжья постепенно приобретали устойчивый и взаимовыгодный характер. В имперской России народы Среднего Поволжья и русский народ сближались вопреки культивируемым образам. Сближение происходило благодаря опыту совместного проживания и общения, укреплению экономических, торговых и культурных связей, а также в силу одинаково угнетенного положения русского и народов Среднего Поволжья. Бесправное положение сближало их, питало взаимный интерес друг к другу, способствовало росту взаимного доверия.

Многочисленные исследования показывают, что колонизации поволжского края свойственна определенная волнообразность. Но вопрос о мирном или насильственном пути колонизации Среднего Поволжья вызывает дискуссии. Это можно объяснить тем, что территория региона огромна, и на поволжских просторах этот сложный и многообразный процесс имел свои особенности. Так, историки Н. Н. Фирсов и М. Г. Худяков³ придерживались позиции преимущественно насильственного характера колонизации. Эту же точку зрения отстаивал и советский историк С. А. Коричев⁴, отмечая русификаторский оттенок колонизации, из-за чего долгое время народы, населяющие Среднее Поволжье, чувствовали враждебность ко всему русскому.

С другой стороны, многие историки (особенно советские) отстаивали мирный характер колонизации. Так, В. Ф. Каховский⁵ подчеркивал, что добровольное вхождение чувашского народа в состав русского государства сыграло прогрессивную роль в его дальнейшем социально-экономическом и культурном развитии. А. С. Лузгин в своем исследовании⁶ отмечал, что русское правительство оставляло за коренным населением принадлежавшие ему земли, а переселенцам отводило «дикие поля» и степи. Ю. Н. Краснов⁷ приводит факты, что проникавшие на территорию Среднего Поволжья русские крестьяне и ремесленники жили в неукрепленных поселках, видимо, не опасаясь нападений со стороны местного населения.

Однако все исследователи едины в мнении, что национальная политика самодержавия не способствовала национальному и культурному подъему национальных меньшинств, что проявлялось в административном и духовном гнете. Чиновничество отно-

¹ См.: Фирсов Н. Н. Колонизация Волжско-Камского края и связанная с ней политика: Общий обзор. Казань, 1930; Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991; Коричев С. А. Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1924; Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой Ладого. Л., 1926; Верейн Л. Е. Присоединение Нижнего Поволжья к русскому государству. Астрахань, 1958; Сабирзянов Г. С. Поволжские татары и русские в зеркале симпатий и антипатий. Казань, 1993.

² См.: Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Русское население в ЧАССР. Материальная культура. Чебоксары, 1960; Бусыгин Е. П. и др. Этнодемографические процессы в Казанском Поволжье. Казань, 1953; Бусыгин Е. П. и др. Чуваши. Этнографическое исследование. Чебоксары, 1956; Думникович И. Исторические черты угро-русских. Унгвар, 1874; Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965; Козлов В. И. Расселение мордвы. М., 1960; Лузгин А. С. Промыслы Мордовии, Саранск, 1993; Магницкий В. К., Мухамедова Р. Г. Татары-мишары: Историко-этнографическое исследование. М., 1972.

³ См.: Фирсов Н. Н. Указ. соч.; Худяков М. Г. Указ. соч.

⁴ См.: Коричев С. А. Указ. соч.

⁵ См.: Каховский В. Ф. Указ. соч.

⁶ См.: Лузгин А. С. В тесном соседстве: хозяйство, материальная культура русского населения Мордовии: Историко-этнографические очерки. Саранск, 1987.

⁷ См.: Краснов Ю. Н. Русские: социальный портрет. Владивосток, 1989.

силось к нерусским народам Среднего Поволжья достаточно враждебно. Грубые действия административных кругов дополнялись духовным гнетом — насильственной христианизацией как «мерой к одержанию духовной победы над иноверцами»¹. Христианизация предполагала полную замену родной национальной культуры этих народов русской. Методы христианизации основывались на принципе «кнута и пряника». С одной стороны, еще Иван Грозный указывал, чтобы при обращении язычников в христианство «приводить их любовью на крещение, а страхом ... не приводит». С другой стороны, принявшие новую религию освобождались от солдатской службы и от уплаты налогов сроком на три года, но эти налоги должны возлагались на их соседей, сохранивших язычество. Однако, несмотря на значительные льготы, к концу XVII века в православие была обращена лишь незначительная часть населения Среднего Поволжья.

Царское правительство принимало довольно строгие меры к отделению новокрещенных от некрещенных и препятствовало обращению в мусульманскую веру. Татарские мечети было велено «посметати», а лиц, обративших в мусульманскую веру, по Соборному Уложению 1649 г. предписывалось «сжечь огнем безо всякого милосердия». Несмотря на это, проживавшие на территории татары-мусульмане сумели сохранить свою старую веру. Уже с середины XVIII века им разрешили строительство мечетей в тех деревнях, где проживало от 200 до 300 ревизских душ и где русских и новокрещенных не имелось.

Поскольку с платой огромных налогов язычники не справлялись, это приводило к тому, что иноверцы «целыми деревнями и всеми уездами и сотнями как мужеск, так и женск пол все до единого человека святым крещением просветились». Однако для многих новокрещенных обращение в православие означало лишь перемену имени, а не убеждения. Фактически вся личная и общественная жизнь народов Среднего Поволжья, их хозяйственная деятельность по-прежнему были связаны с их языческими верованиями.

Такое безуспешное положение в XIX веке привело к тому, что христианизация стала проводиться так называемым «цивилизованным методом» по системе Н. И. Ильминского, которая включала в себя подготовку священников из среды коренного населения, открытие иногородских школ

для новокрещенных детей, издание духовной литературы на местных языках, ведение богослужения на родном языке народов Среднего Поволжья.

Прогрессивные русские общественные и культурные деятели XIX века, основываясь на мысли о том, что лучшим средством сближения инородцев с русским народом и его культурой является не насильственная русификация, а их свободное национальное развитие, добивались содействия такому развитию. Они ратовали за предоставление населению Среднего Поволжья полных гражданских прав в государственной и общественной жизни. Конкретно эти требования связывались с решением ряда вопросов просвещения народов Среднего Поволжья: вопросов школьного образования, роли родного языка, создания национальной письменности и оригинальной литературы, подъема художественного творчества, подготовки национальных кадров и т.п.

В числе деятелей, посвятивших себя делу просвещения нерусских народов Среднего Поволжья, особенно выделились известные ученые второй половины XIX — начала XX века, среди которых следует особо отметить Н. И. Золотницкого, первого инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, В. К. Магницкого, известного историка, этнографа, деятеля народного просвещения; Н. И. Ашмарина, основоположника чувашского языкознания, чьи имена неразрывно связаны с историей развития национальной культуры народов Поволжья.

Так, при содействии русских просветителей, особенно И. Н. Ульянова, создается сеть начальных, учительских школ и семинарий, где занятия велись на чувашском языке. Этому способствовало создание в 1871 году чувашского алфавита и новой письменности на чувашском языке, в создании которой И. Я. Яковлеву помогал русский студент-филолог В. А. Беллилин.

В XIX веке в Среднем Поволжье с развитием земств появляются первые больницы. Врачи и фельдшера в них были русские. Самоотверженной работой в трудных условиях снискали себе огромную популярность, уважение и благодарность народа врачи С. П. Петров, М. С. Вишневецкий, Н. С. Петров, Г. А. Никольский, В. А. Архангельский и др.

Среди первых исследователей, изучавших взаимосвязи и взаимовлияния проживаю-

¹См.: Православный собеседник. Казань, 1866. Ч. 3. С. 5.

щих совместно народов Среднего Поволжья, был С. М. Михайлов, человек разносторонних знаний. Спиридон Михайлович Михайлов вошел в историю как первый чувашский этнограф, историк, географ, фольклорист и писатель. Его научное и литературное творчество относится к 50-м годам XIX века и доныне не потеряло своего огромного значения. Большинство из написанных им работ посвящено быту и культуре верховых чувашей, их занятиям и обычаям, кроме того, он уделял большое внимание изучению культурно-бытовых связей народов Среднего Поволжья, отмечая, к примеру, что в быту у чувашей немало из элементов жизни соседнего народа мари. Он объективно отмечал все положительные стороны влияния русского народа на чувашей, мариЙцев, приветствовал заключение межэтнических браков¹.

Но несмотря на появление работ С. М. Михайлова и других исследователей, посвященных этнографии отдельных народностей Среднего Поволжья — чувашей, татар, мари, др., этнографы и историки мало интересовались самими русскими, которые жили по соседству с названными народами. Так, должного освещения в этнографической литературе не получили вопросы хозяйственных взаимосвязей русского народа с народами, проживающими в Среднем Поволжье, а также взаимоотношения в материальной и духовной культуре. Дореволюционная историография объясняла это положение тем, что русские являлись субъектом проводимой политики, в то время как инородцы — ее объектом, которые воспринимали передовую культуру.

Русский ученый П. Бессонов, занимавшийся изучением происхождения русского этноса, в своем исследовании отметил, что для нашего взора одинаковы «не только остяк и якут, мордвин и башкирец, осетинец и калмык, но даже одинаковы собственные крестьяне — смолянин и костромич, новгородец

и калужанин, туляк и олочанин. При переселениях, без знания основ и различий в сем деле, такая путаница возможна, один бог знает...»². Другой исследователь В. В. Воробьев, составитель крупного справочника «Великоруссы» (1902) отмечал, что русские, расселившись на огромных российских пространствах, не совсем похожи на русских традиционных мест обитания, хотя между ними и имеется сходство. На это обращали внимание и ряд других исследователей³.

В советской историографии сохранилась эта тенденция, хотя прогрессивная роль влияния русского народа на судьбы всех народов, населяющих Россию, неоднократно подчеркивалась. Взоры исследователей по-прежнему оставались прикованными к многочисленным народам Среднего Поволжья⁴.

В 50–70-х годах собственно русские, наконец, стали объектом изучения⁵. В основу фундаментального исследования Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина⁶ были положены материалы этнографических экспедиций. Авторы проследили историю формирования русского этноса на территории Чувашии, а также динамику их хозяйства и быта. Хронологические рамки исследования охватывали период с первой половины XIX века по конец 50-х годов XX века. В своей работе авторы опирались на серьезные источники, используя материалы, хранящиеся в Казанском университете, в архиве Русского географического общества, а также большую статистико-экономическую литературу как XIX, так и XX веков, материалы периодических изданий, а главное, данные своих экспедиций и фондов этнографических музеев. Многообразие изученных источников дало возможность прийти к выводу, что история формирования русского населения на территории Среднего Поволжья представляла собой довольно сложный процесс: русские пришли из разных мест России, привнеся с собой свойственные этим

¹См.: Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и мариЙского народов. Чебоксары, 1972.

²См.: Бессонов П. А. Мнимый «туранизм» русских. К вопросу об инородцах и переселениях в России. М., 1885. С. 6.

³См.: Лаптев М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба Казанской губернии. СПб., 1861; Прозин Н. В. Город Краснослободск и Краснослободский уезд. Пенза, 1868; Соболевский А. И. Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907.

⁴См.: Мухамедова Р. Г. Указ. соч.; Меркушин Г. Я. Вхождение мордовского народа в состав централизованного государства. Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965; Крюкова Т. А. Материальная культура мариЙцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956; Воробьев Н. И. Указ соч.

⁵См.: Бусыгин Е. П. Материальная культура русского населения ТАССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Русское население Чув. АССР. Указ. соч.; Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей. М., 1958; Зорина Л. И. Русская сельская семья Чув. АССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1973; Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

⁶См.: Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Указ. соч.

местам бытовой и хозяйственный уклад, и, кроме того, они должны были учитывать обычаи народов, среди которых жили, оказывая влияние на хозяйственный и бытовой уклад жизни местного населения.

Основываясь на сравнительно-историческом методе, Л. Ф. Банцарева дала обобщающую характеристику общественному быту русского населения Чувашии, выявила некоторые локальные варианты бытовых форм и сравнила их с соответствующими формами в коренных местах расселения русских. Она довольно тщательно провела изучение особенностей развития культуры русских, проживающих в национальных чувашских районах, пришла к выводу об имевшем место взаимовлиянии этих национальных культур¹.

Большой интерес представляет собой фундаментальная работа А. С. Лузгина по Мордовии². В основу исследования были положены материалы этнографических и этносоциальных экспедиций по русским и мордовским селениям, как опубликованные, так и архивные материалы. Его исследование показывает наличие широких русско-мордовских связей, причем не только в хозяйственной деятельности, но и в традиционной культурной сфере. Исследование охватывает большой хронологический период и, что особенно для нас важно, работа А. С. Лузгина является одной из немногих, в которой имеются интересные сведения, подкрепленные цифровыми данными о жизнедеятельности русского этноса.

Все исследователи едины в мнении, что русские принесли в Среднее Поволжье передовые методы ведения хозяйства, более совершенные орудия труда, паровую систему с трехпольным севооборотом с применением сохи, а затем и русского типа бороны. В пасечном пчеловодстве происходит переход к использованию рамочных ульев, хотя колодные еще имеют место. Под русским влиянием произошли изменения в планировке чувашских поселений, строительстве жилищ и их внутреннем убранстве. По примеру русского линейного расположения домов в ряд по обе стороны улицы к концу XIX век стали выстраиваться и чувашские селения с широкими улицами. Вместо курных изб, стоявших посреди двора, теперь дом стал выдвигаться на передний край двора фронтоном на улицу. Дом стал строиться по русскому образцу,

с отоплением по-белому, с тесовыми воротами и крыльцом. Вместо глинобитной печи появилась кирпичная русская печь.

Особо отмечается, что в процессе взаимодействия народов Среднего Поволжья возник так называемый билингвизм. Как в свое время писали исследователи Лаптев и Шестаков: «... здесь русский мужик говорит очень хорошо по-чувашски, а по-мордовски, как бы на родном языке»³.

Язык в многонациональном обществе — одна из важнейших и актуальнейших проблем. Как известно, язык выступает одним из основных признаков исторических общностей — народности, нации. Он является могучим орудием культурного прогресса народов, средством выражения их мыслей, чувств, характера и традиций. Языковая проблема в многонациональном обществе, соседстве более ста наций и народностей и этнических групп нашла свое выражение в двуязычии — свободном развитии национальных языков и распространении русского языка в качестве языка межнационального общения. В условиях многонационального общества национальные языки продолжают выполнять важные функции во всех сферах общественной жизни народа: производственной, политической, культурной, семейно-бытовой. На родном языке ведется обучение в школах, постоянно расширяется количество печатных изданий, периодической печати, передач по радио и телевидению. Принцип объективности требует обратить особое внимание на роль русского языка в многонациональном обществе. Распространение русского языка представляет собой естественный, объективный и прогрессивный процесс. Русский язык становится языком межнационального общения не случайно, его интернациональная роль определяется рядом объективных факторов. Русский язык — это язык народа больших исторических традиций и богатой культуры, который в значительной степени облегчает взаимоотношения между людьми разных национальностей.

Тем не менее диалектический подход требует также рассмотрения иного взаимодействия: необходимо наряду с изучением воздействия русских на чувашей исследовать также вопрос о непрерывно воспроизводимом воздействии (как непосредственном,

¹ См.: Банцарева Л. Ф. Общественный быт русского сельского населения Чувашии. Вторая половина XIX — начало XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

² См.: Лузгин А. С. Указ. соч.

³ См.: Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Русские в Поволжье и их роль в этническом развитии поволжских регионов // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье. Указ. соч.

так и опосредованном) народов Среднего Поволжья на различные стороны жизни русских, оказывающем влияние на русский этнос как систему.

Так, трудно не отметить и переоценить тот вклад, который внесли в развитие русской интеллектуальной и духовной культуры жившие в России и обращенные в христианство татары и их потомки. Выдающийся русский религиозный деятель XV века святой Пафнутий Боровский, основавший монастырь, был внуком баскака. В XVI веке боярский сын татарского происхождения по имени Булгак был посвящен в духовный сан, и кто-либо из потомков рода всегда становился священником, включая русского богослова XX века отца Сергия Булгакова. Широко известны такие выдающиеся русские интеллектуальные лидеры татарского происхождения, как историк Н. М. Карамзин и философ П. Чаадаев, который, вероятно, был монгольского происхождения, поскольку Чаадай — является транскрипцией монгольского имени Джагатай (Чагатай). Возможно, Петр Чаадаев являлся потомком сына Чингис-хана Чагатая. Одновременно парадоксально и типично, что в «плавильной печи» русской цивилизации с ее гетерогенными элементами «западник» Чаадаев был монгольского происхождения, а «славянофильская» семья Аксаковых имела своими предками варягов (ветвь Вельяминовых)¹.

Характер национальных процессов в советское время несколько противоречив. Это выразилось в том, что мощные интеграционные процессы, объективно сближавшие народы, сопровождалась всплесками национального самосознания. Последнее было обусловлено не только углублением унитаристских тенденций в федеративном государстве, каковым был Советский Союз, и но и тем обстоятельством, что многие народы, впервые получившие государственность от советской власти (нередко наряду с письменностью) и возможность развивать свои национальные культуры, полнее ощутили свое национальное «Я», свое предназначение и свое место среди народов.

Это исторически подтвержденный факт, что в разные времена и при различных обстоятельствах, — а в условиях отсталости тем более — малочисленные народы обращаются за защитой к крупному этносу и подозна-

тельно тянутся к нему. Этого требует сама логика этноразвития. Несомненен тот факт, что сохранение многих российских народов как этносов в значительной степени связано с «русским» феноменом. Он заключается не столько в том, что русский этнос — государственно-образующая основа, определяющая приоритеты в национальной самоидентификации, сколько в особенности и самобытности русской духовной культуры, в особенности в ее собирательном характере, выразившемся в объединении этнически разнородных территорий, культур и исторических традиций.

Постсоветская абсолютизация «национальных» ошибок привела к распространению центробежных тенденций и усилению дезинтеграции, в результате чего единое культурно-образовательное пространство оказалось разорванным. Несомненные достижения советской эпохи оказались сведенными на нет, что особенно болезненно отразилось на национальном самочувствии малых этнических единиц, испытывающих объективные трудности без активной поддержки со стороны государства и более крупных этносов.

Получившая в последнее десятилетие распространение тенденция национально-культурного изоляционизма опасна не только и не столько повышением возможности конфликтов, сколько упрощением картины этнического взаимодействия, что особенно важно для полиэтнических сообществ. Для оптимального функционирования этносоциума, заключает автор, необходимо сохранить множественность и многовариантность этнокультурных сфер. Только реальное взаимодействие и взаимопроникновение различных национальных культур позволит этносам, оставаясь самими собой, интегрироваться в общечеловеческое целое.

ОБ АВТОРЕ

Петрова Галина Дмитриевна, зав. отделен. доп. образования Чувашск. филиала МГЭИ. Дипл. экономист (Чувашск. гос. ун-т, 1982). Канд. филос. наук по социальной философии (там же, 2003). Иссл. в обл. социальн. философии нац. культуры.

¹См.: Уянга М. Взаимосвязь и взаимовлияние национальных культур Монголии и России: Дис. ... канд. культ. наук. М., 2002.